

историко-литературных и теоретико-литературных проблем. Оказывается, что от них тянутся нити и к древне-русской оригинальной повести и к древне-русской публицистике.

По своей тематике легендарно-политические сказания, обычно, связаны с острыми моментами политической жизни северо-восточных русских княжеств и областей XV — нач. XVI в. Иногда они идут по свежим следам исторических событий. Но чаще всего они отражают более позднее осмысление события, изменение взглядов на него, переоценку его, когда яснее обозначается значение события в исторических судьбах народа. Таковы, например, легендарно-политические сказания об Иване Калите.¹ Или же легендарно-политические сказания как бы предвосхищают события, предсказывают их, выражая этим чаяния и надежды определенных социальных групп. Это характерно для таких крупнейших произведений этого ряда, как повести о Вавилоне-граде, легендарные эпизоды повести о взятии Царьграда Нестора-Искандера и др. Но во всех случаях при создании легендарно-политических сказаний в руках писателей гибким и удобным материалом оказывалась легенда. Она легко подчинялась различной интерпретации и давала возможность в авторитетных и доступных широким народным массам формах освещать различного рода исторические факты так, как того требовала определенная политическая ситуация общегосударственной или местной областной жизни в данный момент. В легендарно-политических сказаниях находило свое выражение тенденциозное освещение межобластных споров. В них отражалась оппозиция объединительной политике Москвы, оппозиция для XV — нач. XVI в., обычно, уже запоздавшая и бессильная, но все еще свидетельствующая о враждебных отношениях к Москве отдельных местных общественных групп. Они же, наконец, являлись излюбленным средством в руках московских писателей XV — нач. XVI в. в утверждении московской идеологии.

Повесть о Тимофее Владимирском и по своему идейному содержанию и по своей художественной манере близко стоит к легендарно-политическим сказаниям. В ней — оправдание политического курса Русского государства в „восточном вопросе“. В ней — обращение к легенде как к одному из элементов художественно-изобразительной системы. Все это позволяет говорить, что повесть *примыкает* к этой группе произведений. Но не более. Во многом она уже отходит от легендарно-политических сказаний, круг ее идейно-художественных задач несколько шире.

Герой как личность со своим индивидуальным характером, особенностями которого сказываются на его поступках и на его судьбе, — вот то новое, что с особой выразительностью обнаруживается в повести. Тимофей — порывистый, несдержанный, крайне эмоциональный — в самом себе хранит возможность той необычной участи, которая пости-

¹ ГИМ. Чудов. № 314. Миняя-четья, 1600 г., л. 21.